

Peter LAUL “The happiest years of my life”

Петр ЛАУЛ «Счастливейшие годы моей жизни»

Interview with the pianist Peter Laul, Laureat of the International Competitions, Associate professor of the Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. A graduate of the Secondary Special Music School of the Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory recalls his years of study, the events of school life and his teachers at the School.

Keywords: P. R. Laul, A. M. Sandler, M. V. Wolf, L. S. Yuschenko, A. N. Dolghansky, D. D. Shostakovich, A. Bruckner, the Secondary Special Music School of the Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Интервью с лауреатом Международных конкурсов, доцентом Санкт-Петербургской государственной консерватории пианистом Петром Лаулом. Выпускник Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова вспоминает о годах учебы, о событиях школьной жизни и о своих учителях в школе.

Ключевые слова: П. Р. Лаул, А. М. Сандлер, М. В. Вольф, Л. С. Ющенко, А. Н. Должанский, Д. Д. Шостакович, А. Брукнер, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

Петр Лаул — один из самых известных и востребованных российских исполнителей нового поколения. Лауреат трех международных конкурсов, в последние годы он постоянно появлялся как сольный пианист на сценах лучших концертных залов мира и играл с самыми известными симфоническими оркестрами под руководством таких дирижеров, как Валерий Гергиев, Василий Синайский, Туган Сохиев, Жан-Клод Казадзюс, Максим Шостакович. Несмотря на активную исполнительскую деятельность, большое внимание П. Лаул уделяет и педагогике: он доцент кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. За свою работу он награжден знаком «За достижения в культуре».

Дмитрий Брагинский. *Петр, начнем с традиционного вопроса. Скажите, пожалуйста, Ваша жизнь в школе Санкт-Петербургской государственной консерватории началась с первого класса?*

Петр Лаул. Нет, я пришел в «десятилетку» в седьмой класс, в 1990 году, причем удалось это сделать только с третьей попытки. Стать учеником школы долгое время никак не получалось, с поступлением туда всегда были большие сложности, хотя я мечтал об этом с детства по многим причинам. Прежде всего, моя старшая сестра Надежда Рубаненко училась в этой школе, и я всегда хотел попасть к ее легендарному преподавателю, Марине Вениаминовне Вольф. Меня очень привлекала сама возможность изучения музыкальных и общеобразовательных предметов «под одной крышей». Да и расположена была школа совсем рядом с домом; наша квартира и сейчас находится недалеко от переулка Матвеева, на улице Писарева. Словом, мне очень хотелось учиться в «десятилетке», но воплотить мечту в жизнь оказалось невероятно трудно. Как я сказал, получилось это только с третьей попытки, да и то удалось «протиснуться» туда, словно через щель в заборе.

Первый раз меня привели в школу совсем маленьким, в шесть лет, перед первым классом. Сначала я показывался пианистам, но по каким-то причинам они брать меня не захотели. Может быть, дело в том, что в детстве у меня был очень своеобразный характер: я противился всему на свете и из вредности не хотел делать то, о чем меня просили. Мне могли дать задание: «Пой песню!» или «Сыграй что-нибудь!» А я в этот момент вовсе не собирался петь песню. Все думали, что я идиот, и махали рукой... Более того, однажды во время консультации с авторитетнейшим «десятилетским» педагогом Марией Иосифовной Меклер я умудрился сказать ей «цыц!», после чего, конечно, разговор был окончен. (История эта вошла в наши семейные легенды).

Меня не зачисляли не только в «десятилетку», но и в другие музыкальные школы, например, в Василеостровскую. Каким-то чудом я попал в Кировскую районную музыкальную школу, и только потому, что там мне понравилась учительница сольфеджио, молодая и красивая. Для нее я внезапно спел и сыграл, что и решило успех дела.

Прошел год, и родители снова сделали попытку устроить ребенка в «десятилетку». Возникла идея отдать меня учиться на каком-нибудь духовом инструменте. Александр Михайлович Сандлер в интервью, недавно опубликованном в журнале «Musicus», указывал, что это был кларнет¹. Мне почему-то врезалось в память, что речь шла о валторне, я с детства хорошо запомнил это слово. Все прошло быстро. Преподаватели попросили: «Мальчик, открой рот!» А у меня как раз менялись зубы, половины не хватало... Я услышал: «Все, до свидания. Закрой рот и иди».

Так я продолжал заниматься в Кировской музыкальной школе с Людмилой Семеновной Ющенко, кстати, в прошлом выпускницей «десятилетки». Я очень ей благодарен за то, что она терпела меня шесть лет. Честно говоря, я не занимался, ленился, не хотел прилагать никаких усилий для того, чтобы стать музыкантом, хотя очень расстраивался, когда меня в очередной раз собирались выгонять из школы, ведь в глубине души я всегда считал, что обязательно посвящу себя музыке. Только к шестому классу я стал что-то делать и тогда снова попытался поступить в «десятилетку» как пианист. Помню, как приходил консультироваться к Валентине Яковлевне Кунде. Она довольно ласково приняла меня сначала, но потом я сыграл приемный экзамен в директорском кабинете и все-таки опять не поступил... Наверное, как пианист я тогда был слабоват. Все отмечали мои музыкальные способности, но они тогда мало проявлялись в игре. Через год появилась идея пойти в класс Александра Михайловича Сандлера. Это был план моей мамы. Должен сказать, что она всегда безошибочно подбирала мне учителей, у нее была невероятная интуиция. Со снайперской точностью она нашла мне и Л. С. Ющенко, и А. М. Сандлера.

Если бы я в свое время не попал к Александру Михайловичу, возможно, я никогда не стал бы музыкантом. С ним я начал заниматься частным образом. Два месяца он приходил к нам домой, и мне сразу стало безумно интересно. До сих пор помню свою программу, подготовленную для поступления в седьмой класс «десятилетки»: I часть до-минорной партиты Баха, I часть Двадцать седьмой сонаты Бетховена и «Посвящение» Шумана–Листа. Довольно нетривиальная задача для такого возраста, хотя не думаю, что очень хорошо играл тогда. Все-таки я был очень «сырой» в пианистическом отношении.

Я готовил ту программу и с Л.С. Ющенко, и с А. М. Сандлером, хотя Людмила Семеновна тогда об этом даже не догадывалась. У нее была система своеобразной дрессировки: она обязательно ставила над каждой нотой палец, под каждым тактом педаль, все было четко организовано, и ей порой удавалось с очень средними учениками добиваться больших успехов. Дети вроде бы начинали прилично играть, их брали в приличные учебные заведения, а там через некоторое время оказывалось, что без той самой особой дрессировки они ничего не могут... Мне такой способ не подходил. В силу своего характера я не поддавался дрессировке. Я был тихий и упрямый. Людмила Семеновна устанавливала мне точные пальцы для того или иного произведения, а я играл так, как считал нужным. Прямо в нотах она писала мне: «Пальцы врешь!!!» Когда я видел такое, мне сразу, из чувства протесторечия, хотелось и дальше «врать пальцы», брать неправиль-

Петр Лаул — ученик 7 класса школы-«десятилетки» (первый год обучения). Фото из личного архива

ную педаль и все в таком духе. Ничего особенного не получалось, и Людмила Семеновна посматривала на меня со скепсисом. Чтобы подготовить меня к «десятилетке», понадобился какой-то свежий взгляд. Так и возник в моей жизни А. М. Сандлер: как только мы встретились, я словно проснулся. В его методе не было муштры и единственного способа играть правильно, но во всем присутствовал здравый смысл, хороший вкус, новые горизонты, и это будило фантазию. Я начал сам думать и искать. Это было так захватывающе, что я обнаружил, что жду каждый новый урок с нетерпением.

Несмотря на все достижения, меня опять не взяли в «десятилетку» как пианиста. Я смог поступить только как музыковед, с формулировкой «принять на подготовительное отделение теоретического отдела». Наверное, мой случай останется уникальным, потому что такого «подготовительного отделения» никогда не существовало. Формулировку изобрела Сарра Евсеевна Белкина, чтобы взять меня в седьмой класс, не дожидаясь восьмого. Это помогло мне буквально вползти в «десятилетку» через «черный ход». А. М. Сандлер стал заниматься со мной на официальных основаниях, как преподаватель по общему курсу фортепиано, и годовой экзамен я играл с теоретиками. В восьмом классе, после прослу-

¹ См.: Сандлер А. «Меня воспитывали лучшие учителя» // Musicus. 2019. № 4. С. 7–11. (Прим. ред.)

Петр Лаул с мамой Надеждой Александровной.
Фото из личного архива

Рейн Генрихович Лаул с сыном. Фото из личного архива

шивания в середине года, мне разрешили совмещать два отделения, а с девятого я окончательно перешел на отдел специального фортепиано.

Д. Б. Пожалуйста, расскажите о своей семье. Из Вашего рассказа понятно, что семья играла важную роль в Вашем становлении.

П. Л. Моим дедом был Александр Наумович Должанский, крупный музыковед, автор многих выдающихся трудов, в том числе популярнейшего «Краткого музыкального словаря», который есть, наверное, почти у каждого.

Он писал о разных композиторах, но главным его героем был Дмитрий Дмитриевич Шостакович. А. Н. Должанский посвятил его творчеству несколько работ и даже серьезно пострадал из-за этого в свое время. В 1948 году он публично отказался критиковать музыку Шостаковича, за что был уволен из Ленинградской консерватории. Ему удалось восстановиться только спустя шесть лет, и он преподавал там до конца жизни. К сожалению, А. Н. Должанский умер задолго до моего рождения, но я всегда чувствовал его влияние на мою судьбу. Я вырос в доме, который сохранил отпечаток его интеллектуальной жизни: меня окружали замечательные книги, которые он собрал, его ноты, я всегда играл на его рояле. Дух Шостаковича до сих пор царит в нашем доме, это такой семейный культ, в архиве есть и письма композитора к моему деду. Я очень рад, что недавно мне удалось приобрести небольшой бронзовый бюст Шостаковича. У меня дома целая «композиторская» коллекция: на рояле стоят скульптурки Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шумана, Вагнера, Верди, Листа, Шопена, а в русском «отделе» — Глинка, Чайковский, Скрябин. Это не значит, что на рояле оказались только самые любимые, просто Бах или, допустим, Брамс мне пока не попался. Буду искать.

Большое влияние на меня оказала сводная сестра Надежда Рубаненко. Мы жили вместе, она старше меня на четырнадцать лет, и я вырос под звуки ее рояля, ее репертуара. Она всегда брала меня с собой на разные встречи, я общался с ее замечательными учителями, среди которых были Марина Вениаминовна Вольф, Анатолий Зальманович Угорский, Софья Борисовна Вакман. Сейчас Надежда живет в Зальцбурге и работает в консерватории «Моцартеум».

Моя мама, Надежда Александровна Должанская, долгие годы преподавала теоретические предметы в музыкальном училище имени М. П. Мусоргского, а отец — Рейн Генрихович Лаул — известный петербургский композитор, музыковед, доктор наук и профессор Санкт-Петербургской консерватории. Отец сыграл огромную роль в моей жизни. Мои вкусы во многом сформировались под его воздействием, мои музыкальные способности впервые проявились тоже благодаря ему. Отец всегда много слушал музыку. Когда я был совсем маленьким, он постоянно ставил пластинки. Уже в год с небольшим я стал реагировать на услышанное, причем очень осознанно. Первая история была связана с увертюрой Вебера «Оберон», которую отец прослушал при мне, а потом захотел поставить еще раз, так как она ему очень нравилась. Эта увертюра открывается медленным тихим вступлением, потом идет громкий аккорд и начинается виртуозное яркое *Allegro*. Когда отец поставил увертюру во второй раз, после вступления я встал в кроватке, отчетливо сказал «пам!» и взмахнул рукой перед звучанием аккорда. Очевидно, что мои действия были осмысленными. Тогда впервые родители настоялись. Впоследствии отец стал целенаправленно ставить пластинки для меня и, допустим, говорил: «Сейчас мы будем слушать Концерт ре-минор Баха». А я все это запоминал. Где-то годам к двум я начал проходить своеобразные викторины, хотя толком еще не говорил, но с именами композиторов справлялся. Причем это были не только шлягеры вроде «Щелкунчика» или Симфонии № 40 Моцарта, но и оперы вроде Девятой симфонии А. Брукнера, «Альпийской» симфонии Р. Штрауса или «Истории солдата» И. Стравинского.

Д. Б. Неужели в два года Вы уже узнавали такие сложнейшие сочинения?

П. Л. Да, это так. Осталась даже магнитофонная запись одной из таких викторин. Сейчас я слушаю ее и сам изумляюсь. Брукнер остался у меня любимейшим композитором. Я и сейчас «до дыр» заслушиваю его диски, постоянно ставлю симфонии.

Д. Б. Кто Ваш любимый брукнеровский дирижер?

П. Л. Вильгельм Фуртвенглер. Причем с большим отрывом от остальных. Он создает невероятную атмосферу и владеет временем, как никто другой. Для меня это самый значительный музыкант XX века, не только среди дирижеров, но и с учетом всех исполнительских специальностей.

Д. Б. Многие ценители ставят на первое место записи Серджиу Челибидаке...

П. Л. Я отдаю ему должное, то, что он делает, замечательно, но у него, видимо, кровь течет с другой скоростью, чем у меня. Может быть, когда мне будет семьдесят лет, я смогу по-другому слушать записи Челибидаке, но сейчас его темпы для меня слишком медленные. Брукнера я начал тщательно изучать еще в школьные годы. У меня с детства была особая система: почему-то я никогда не занимался той музыкой, которая стояла в школьной программе. Всегда жил параллельной жизнью. Когда мои одноклассники осваивали, к примеру, Гайдна, я с увлечением слушал Малера.

Вообще, школьное время, проведенное в «десятилетке», я вспоминаю как счастливейшие годы в своей жизни. Нужно еще понимать, что в отличие от своих приятелей, я сначала учился в обычной общеобразовательной школе на Крюковом канале, школе с неким бандитским духом, я бы сказал. В «десятилетке» уже никто не показывал на меня пальцем как на чудака, играющего на каком-то непонятном пианино, здесь я встретил своих новых друзей, общался с замечательными преподавателями.

Д. Б. Кого из своих учителей Вы хотели бы вспомнить?

П. Л. Никогда не забуду уроки теоретических дисциплин Сарры Евсеевны Белкиной, но, к сожалению, через год после начала моей учебы в «десятилетке» она навсегда уехала в США. После ее отъезда я занимался с Петром Анатольевичем Чернобrivцем. В классе камерного ансамбля я учился у выдающегося музыканта Нелли Рафаиловны Слярской. Она была скрипачкой, но я безумно много получил от нее как пианист. Конечно, я общался и с Мариной Вениаминовной Вольф, она всегда следила за моим развитием.

Всем я обязан Александру Михайловичу Сандлеру, только с ним я смог «распрямить спину», как говорится. Он всегда ставил передо мной задачи, которые разжигали мой азарт, и я старался выполнить их. Например, благодаря ему в 1993 году я сыграл свой первый соль-

А. М. Сандлер с учениками.
Петр Лаул второй слева. Март 1995 года. Фото из личного архива

ный концерт в «десятилетке». Сандлер был автором самой идеи и организатором моего выступления. Он же подобрал программу и, честно говоря, даже сейчас мне страшно было бы выйти на сцену с такими произведениями — Двадцать восьмая соната Бетховена, шесть пьес из опуса 118 Брамса и Соната h-moll Шопена. Отсчет своих концертов я веду именно с того дня, настолько был важен для меня тот незабываемый вечер. Целый месяц я не ходил в школу, делал вид, что болею, а сам занимался порой по тринадцать часов в день. Мы тогда как раз проходили «Войну и мир» — так я эту книгу и не прочел.

После того концерта меня заметили, и вскоре я получил предложение от Ирины Яковлевны Родионовой, впоследствии долгое время работавшей в должности художественного руководителя Санкт-Петербургской филармонии. Она не только стала инициатором создания программы «Виртуозы 2000», но и организовала ученический ансамбль «Виртуозы-квintет», куда пригласила и меня. Вместе со мной в ансамбль вошли мои одноклассники — скрипачка Александра Савина, альтистка Дуня Ершова и виолончелист Дмитрий Коузов, мой близкий друг с детства. На партию первой скрипки в качестве «опытного дядьки» был приглашен Павел Попов, к тому времени уже учившийся в консерватории. Во время фестиваля «Виртуозы 2000» И. Я. Родионова буквально вытолкнула нас на сцену Малого зала филармонии с исполнением Квintета Шумана, что стало началом целой серии концертов камерной музыки, в которых мы участвовали. Это был бесценный опыт.

Школьные годы останутся в моей памяти как счастливое время, когда я нашел свой собственный путь в музыке.

С П. Р. Лаулом беседовал Д. Ю. Брагинский.